

О меронимии и схожих с ней семантических отношениях

Ю. Н. РУСИНА

На современном этапе развития лингвистики особую актуальность вследствие своей когнитивной значимости приобрели исследования лексических единиц и, в частности, типы отношений, которыми связаны лексические единицы в таких структурах, как фреймы, сценарии, цепочечные структуры, семантические поля.

Учитывая то, что именно семантические свойства единиц играют ведущую роль в организации лексики, ученые концентрируют свое внимание на *семантических* отношениях, которыми связаны лексические единицы в лексиконе. В этом плане важным представляется принятое в современной лингвистике положение о том, что человек членит и концептуализирует воспринимаемый им мир с опорой прежде всего на такие категории, в основании которых лежат фундаментальные отношения типа общего-частного (*родо-видовые*, или *гиперо-гипонимические*, отношения) и целого-части (*меронимические*, или *партитивные*, отношения) [11, с. 443; 12, с. 36–37; 14, с. 13]. Важность отношений общего-частного и целого-части отмечает В.Г.Гак, указывая, что в языке существует два типа иерархий – иерархия «быть», основанная на отношении видовых и родовых понятий, и иерархия «иметь», основанная на отношении части и целого [3, с. 136]. Эти два типа отношений, по словам М.В.Никитина, «глобальны, распространяют действие на весь словарь и организуют его в целостные иерархические структуры» [11, с. 443]. Категории, основанные на этих типах отношений, находят свое отражение в языке, прежде всего в его словарном составе. Таким образом, правомерно говорить о существовании двух универсальных категорий, структурирующих словарь языка, – категории *гиперо-гипонимии* и категории *меронимии*, или партитивности.

Несмотря на универсальность указанных категорий, в лингвистике они изучены в неодинаковой степени. Если гиперо-гипонимии посвящено значительное число исследований, то меронимии, или отношениям части–целого, уделяется гораздо меньше внимания. Одна из причин, по которой ученые реже обращаются к исследованию меронимических отношений, связана с некоторым сходством меронимии и гиперо-гипонимии (отношение часть–целое тоже является отношением включения¹) и трудностями их разграничения. На возможное перекрещивание родо-видовых отношений и отношений части–целого указывал еще Аристотель [1, с. 174] (см. также [6, с. 46–48; 7, с. 109–110; 13; 18, с. 292; 22, с. 238]). Когда речь идет не о конкретных существительных, обозначающих дискретные физические объекты, а об абстрактных или вещественных существительных, то часто отношения в паре таких единиц могут рассматриваться одновременно и как отношения части к целому, и как отношения гипонима к гиперониму. Например, «честность» может рассматриваться и как вид добродетели, и как часть добродетели [24, с. 314–315]. По мнению Дж.Лайонза, такое отношение является промежуточным между гипонимией и меронимией и несет в себе определенные признаки обоих отношений. Меронимические отношения трудно отграничить и от синонимии. Р.Чефин и Д.Херман приводят пример, когда две лексические единицы одновременно находятся в отношениях синонимии, гиперо-гипонимии и меронимии. Например, «*display-exhibit*»: синонимы (*A display is the same as an exhibit*), гипоним и гипероним (*A display is a kind of exhibit*), часть и целое (*A display is part of exhibit*) [18, с. 292].

Меронимия и гиперо-гипонимия, являясь разновидностями отношения включения, связаны наиболее тесно. В то же время они, несомненно, различны, хотя на практике не все-

¹ В общепринятой трактовке *включение*, или *инклюзия*, «представляет собой отношение, указывающее на принадлежность классифицируемых объектов большему по численности классу, разряду» [15, с. 92].

гда однозначно различаемы, и это вызывает определенные трудности при разграничении данных двух категорий.

В связи с вышесказанным целью данной работы является описание семантических отношений, обладающих некоторыми общими чертами с меронимией, чтобы выявить их сходства и различия, а также определение критериев для разграничения меронимии и схожих с ней семантических отношений.

Термин «*гипонимия*» был введен Дж.Лайонзом. Данный тип связей еще называют *родо-видовыми* и *таксономическими отношениями*, *отношениями общего-частного* и *отношениями включения*.

Сущность гиперо-гипонимических отношений состоит в том, что значение одного слова включает в себя объем значения второго слова, но не покрывается им целиком. И если более специфичную, узкую по своему значению лексическую единицу ученые относительно единодушно называют гипонимом, то для лексической единицы с более общим значением существуют такие термины, как «*гипероним*», «*суперордина*», «*архилексема*».

Гиперо-гипонимические связи издавна привлекают внимание лингвистов. Исследованием гиперо-гипонимии занимались и занимаются многие ученые: Е.Л.Гинзбург и Г.Е.Крейдлин, А.Д.Мостовая, Р.И.Розина, Р.М.Фрумкина, А.Вежбицкая, Д.Круз, Дж.Лайонз и др. [4; 5; 9; 13; 14; 19; 23; 25 и др.] Рассматривая различные аспекты данной категории, ученые признают гиперо-гипонимические связи ведущим типом семантических отношений в лексической системе языка.

Примечательно, что лингвисты, как и в случае с меронимией, выделяют различные типы гиперо-гипонимических отношений. Так, например, Е.Л.Гинзбург и Г.Е.Крейдлин выделяют три частных случая гиперо-гипонимии (на материале русского языка): *вид-род* (*Киты – млекопитающие*), *подмножество-множество* (*Москвичи – жители РСФСР*), *элемент-множество* (*Он инженер*) [4, с.24–26]. И если случай *вид-род* в общем не вызывает трудностей для отграничения от меронимии, то два других типа гиперо-гипонимии перекликаются с периферийными типами меронимии, отмеченными в работах Д.Круза и М.Айрис. Это еще раз подтверждает тот факт, что категории меронимии и гиперо-гипонимии очень близки, и это, соответственно, вызывает определенные трудности с точки зрения понимания их сущности. В связи с этим Р.М.Фрумкина и А.Д.Мостовая, критикуя подход Е.Л.Гинзбурга и Г.Е.Крейдлина, отмечают, что отношения *элемент-множество* и *подмножество-множество* отличаются от отношений *вид-род*: первое из них часто встречается с такой семой слова ‘элемент’, где оно не противопоставлено множеству (ср.: *овоци – необходимый элемент рациона* = ‘составная часть’).

Достаточно известной является концепция А.Вежбицкой, которая выделяет четыре основных варианта гиперо-гипонимических отношений на материале английского языка [25, с. 260–289]. Не приводя здесь детального анализа данной концепции, отметим только, что она также не лишена некоторых противоречий. По словам Р.М.Фрумкиной и А.Д.Мостовой, выделенные А.Вежбицкой разновидности гиперо-гипонимических отношений «не удастся распространить... на произвольно выбранные гипо-гиперонимические ряды» [14, с. 42].

Таким образом, на настоящий момент в лингвистической науке не существует четкой классификации типов гиперо-гипонимических связей, что, естественно, затрудняет отграничение гиперо-гипонимии от меронимии, несмотря на то, что, как и для меронимии, ученые пытаются выделять ядерный и периферийные типы указанных отношений. Большинство лингвистов считает важнейшей семантической разновидностью гиперо-гипонимии родо-видовые отношения, то есть те, которые регулируются экстралингвистической систематикой (*береза, клен, дуб – виды деревьев; дерево, трава, кустарник – виды растений*). Именно они представляют ядро категории гиперо-гипонимии.

От отношений часть–целое необходимо отличать не только гиперо-гипонимические связи. Существует также целый ряд семантических отношений, обладающих некоторым сходством с меронимическими. Р.Чефин и Д.Херман, изучая отношение часть–целое, выделяют «псевдочасти» типа *bed – cushion*, хотя и не останавливаются на их подробном рассмотрении [17, с. 134]. А.Д.Мостовая отмечает сходство с отношением часть–целое отноше-

ний типа *наволочка – подушка* (т.е. таких отношений, при которых *A* обозначает объект *A'*, не существующий или не имеющий смысла без объекта *B'*, обозначаемого словом *B*), выделяя в них подчиненные и доминирующие члены [9, с. 151].

Достаточно подробная семантическая классификация подобных отношений в сфере конкретных имен существительных современного русского языка приведена в работах Р.М.Фрумкиной и ее последователей [8; 10; 14]. Выделенные отношения сведены исследователями в два типа. К первому типу относятся следующие отношения: *A* – ‘отверстие’ или ‘выемка’¹ в *B* (*поляна – лес, окно – стена, глазок – дверь*); *A* – ‘пятно’ на *B* (*бельмо – глаз, веснушка – кожа*); *A* – место для ‘хранения’ *B* (*гардероб – одежда, копилка – деньги*); *A* – место, предназначенное для того, чтобы в нем находились *B* (*псарня – собаки, аквариум – рыбы, больница – пациенты*); *A* – ‘инструмент’ для работы с *B* (*скалка – тесто, утюг – ткань*); *A* удерживает *B* в нужном месте, положении в пространстве (*юпитр – ноты, цемент – камень*); *A* – форма, которую может принять *B* (*морицинка – кожа, складка – ткань, кулак – кисть*).

Второй тип включает следующие отношения: *A* не может функционировать без *B* и *B* не может функционировать без *A* (*смычок – скрипка, пестик – ступка*); *A* всегда граничит с *B* и *B* всегда граничит с *A* (*водоём – берег*); *A* и *B* вместе составляют один объект *C* (*C* не входит в пару) (*древко – наконечник = копье; день – ночь = сутки*); *A* и *B* вместе составляют «естественную» пару, обозначаемую одним словом *C* (слово *C* не входит в пару) (*руки – ноги = конечности, мать – отец = родители*) [14, с. 13–23].

Как утверждают Р.М.Фрумкина и А.Д.Мостовая, пары, входящие в первый тип, связаны *ориентированными* отношениями: т.е. зная отношение *R*, можно по слову *A* назвать слово *B*, но не наоборот (например, зная, что *A* – инструмент для работы с *B*, *A* обрабатывает *B*, где *A* – пила, легко предсказать, что *B* – это дерево) [14, с.23]. Хотя для некоторых пар единиц ориентированные отношения характеризуются тем, что возможно как предсказание по описанию отношения *R* и *A* слова *B*, так и наоборот – предсказание слова *A* по *R* и *B* (*бельмо – глаз*). Эта возможность предсказания в обе стороны «объясняется тем, что внелингвистическая «контекстная» связанность (тот факт, что о б ъ е к т под названием бельмо бывает только на глазу) иногда совпадает с лингвистической контекстно-обусловленной связанностью, т.е. с ограничениями на сочетаемость (пятно на глазу н а з ы в а е т с я только бельмом)» [14, с. 27].

Слова, входящие во второй тип, связаны *симметричными* отношениями: зная любое слово из пары и содержание отношения между ними, можно предсказать другое слово в паре, т.е. вычислимость существует в обе стороны (*смычок – скрипка*) [14, с. 25].

Рассмотренным выше отношениям уделяется достаточно большое внимание и в работах Е.В.Рахилиной и ее учеников (также на материале русского языка). В отличие от Р.М.Фрумкиной и ее последователей, Е.В.Рахилина, однако, не ставит своей целью дать детальную классификацию подобных отношений. Она называет их отношениями *дополнительности*, связывающими «чашку и блюдце, нитку и иголку, наволочку и подушку, крышку и кастрюлю и мн. др., т.е. объекты, которые сосуществуют друг с другом, совместно функционируют, но ни один из них при этом не является частью другого» [12, с. 300]. Как указывает Е.В.Рахилина, дополнители отторжимы. Рассматривая эти отношения как «промежуточный» класс между отношением часть–целое и отношениями отдельно существующих друг от друга объектов, Е.В.Рахилина отмечает, что в класс дополнителей могут «переходить» отторжимые части (т.е. части, которые существуют отдельно от целого), и подходит к анализу данных связей совершенно с иной стороны. Для нее оказываются важными синтаксические особенности единиц, связанных данным типом отношений, в сопоставлении с единицами, связанными отношением часть–целое. Анализируя поведение единиц-дополнителей и единиц-частей целого в предложных конструкциях в русском языке, Е.В.Рахилина делает вывод

¹ Как указывают авторы, в знак “” заключены слова, употребляемые в смысле, «не вполне совпадающем с их естественно-языковым смыслом» [10, с. 90].

о том, что единицы, связанные отношением дополнительности, не вступают, в отличие от частей-целых, в генитивную конструкцию (ср.: *ключ замка), но обычно допускают конструкцию с предлогом *от* (ключ *от* замка). Для них также характерна нестандартная интерпретация локативных конструкций с предлогом *на* или *в*, а также комитативной конструкции с предлогом *с* (например, *наволочка на подушке* – не в значении ‘находиться сверху’, а в значении ‘быть надетой на’). В то же время, рассматривая имена в контексте глаголов положения в пространстве, Е.В.Рахилина делает вывод, что, например, в контексте глагола *висеть* и дополнители, и части ведут себя одинаково [12, с. 300–301].

Н.Д.Арутюнова также считает связи между именами смежных, соотнесенных предметов, – *координационные* отношения в ее терминологии (*берег* и *водоем*, *опушка* и *лес*, *футляр* и *контрабас*) – близкими к отношениям партитивности, но отличными от них [2, с. 17–18].

Понимая под отношениями дополнительности, координационными, симметричными и ориентированными одно и то же – связи между именами соотнесенных предметов, когда один объект не существует или не имеет смысла без другого, – лингвисты, тем не менее, не приходят к единому мнению по поводу названия подобных отношений. Объясняется это, по-видимому, тем, что природа подобных связей изучена недостаточно глубоко (на материале английского языка, например, эти отношения вообще не рассматриваются), хотя промежуточный статус этого типа отношений не представляет сомнений.

Сходство меронимии с другими отношениями, в первую очередь с гиперогипонимией, ведет к необходимости конкретной разработки определенных критериев, способствующих четкому разграничению указанных категорий. Учеными было предложено два основных критерия для разграничения меронимии и гиперогипонимии: во-первых, различные способы представления данных отношений в языке, во-вторых, отсутствие-наличие транзитивности. Рассмотрим подробнее эти два критерия.

Что касается первого критерия, то перечень ключевых единиц, выражающих в английском языке отношение часть–целое в его наиболее чистом виде, разногласий у ученых не вызывает. К ним относят конструкцию *part of*, глагол *to have* и притяжательный падеж [20; 24 и др.]. Р.Чефин также упоминает о выражениях, родственных слову *part*: *component*, *member*, *portion*, *feature* [18, с. 308], а М.Айрис в качестве синонимичных слову *part* лексических единиц, передающих отношение меронимии, называет слова: *portion*, *piece*, *member*, *division*, *section*, *segment*, *fragment* [21, с. 268–269]. Д.Круз в качестве критерия для установления пар лексических единиц, связанных центральным типом меронимического отношения, предлагает использовать следующую формулу: X является меронимом Y, если смысл предложений типа *A Y has Xs / an X* и *An X is a part of a Y* не нарушается. Но так как эти две «диагностические конструкции» (*test-frames*) «исключают некоторые явные случаи частей и целых», то он вводит еще одну конструкцию: *The parts of a Y include the X/Xs, the Z/Zs, etc.* [19, с. 160–161]. Таким образом, по Д.Крузу, меронимические единицы удовлетворяют либо первым двум конструкциям, либо последней, и зависит это от того, какая связь – «каноническая» или «факультативная» – наблюдается между X и Y.

Однако рассмотренные выше единицы и конструкции имеют отношение только к именам существительным. В то же время необходимо иметь в виду, что категория меронимии в лексической системе языка не ограничивается только именами существительными, а может наблюдаться и в сфере глаголов и их сочетаний. На материале русского языка такие партитивные предикаты, как *включать*, *состоять (из)*, *входить в (состав)* и т.д., изучаются в работах М.В.Никитина, Т.С.Маркаровой и др. [7; 11]. Этими учеными выделяются два ряда глаголов, выражающих отношение часть–целое в русском языке. Как отмечает М.В.Никитин, при использовании партитивных предикатов партитивные отношения описываются то с позиций целого (*содержать*, *иметь* и др.), то с позиций части (*быть частью*, *относиться (к)* и др.) [11, с. 447–448].

Что касается гиперогипонимии, то основным способом передачи в английском языке ее важнейшей семантической разновидности, т.е. родо-видовых отношений, является конструкция *a kind of* (‘вид’ – в русском языке).

Еще одним критерием разграничения меронимии и гиперо-гипонимии выступает наличие / отсутствие транзитивности. По определению М.В.Никитина, транзитивность имеет место как отношение между единицами *A*, *B* и *C*, если исходя из того, что *A* может быть описано как *B*, а *B* может быть описано как *C*, можно заключить, что *A* может быть описано также как *C* [11, с. 446]. Родо-видовые отношения всегда транзитивны (*белка – это грызун, грызун – это млекопитающее*, следовательно, *белка – это млекопитающее*). На вопрос по поводу того, транзитивно ли отношение часть–целое, большинство ученых отвечает отрицательно.

Так, например, Ф.Кифер, Ч.Филмор, М.В.Никитин считают, что отношение часть–целое обычно не обладает свойством транзитивности [11, с. 446; 16, с. 47; 22, с. 239]. Д.Круз объясняет отсутствие транзитивности при меронимических отношениях контекстуальными ограничениями и пытается определить случаи соблюдения транзитивности путем анализа определенных контекстов, что нам представляется довольно трудоемким процессом, который к тому же и не всегда дает конкретные результаты, так как сам автор говорит о множестве исключений из им самим выведенных правил [20]. По мнению Дж.Лайонза и М.Айрис, отсутствие / наличие транзитивности связано с определенным типом отношения часть–целое в языке (о выделении учеными разновидностей отношения часть–целое в языковой системе см. в наших ранних работах). Эти исследователи говорят о существовании нескольких видов отношения часть–целое, из которых одни обладают транзитивностью, а другие нет.

Как указывает М.Айрис, транзитивность отсутствует в типах «функциональная часть – целое» и «множество – элемент» и соблюдается в типах «множество – подмножество» и «сегмент – сегментированное целое» [21, с. 277–280]. Тип «множество – подмножество» напоминает гиперо-гипонимические отношения. По мнению М.Айрис, «эта модель отношения часть–целое основана на более примитивной модели множества и члена этого множества» [21, с. 275]. Множество *A* является подмножеством множества *B*, только если каждый член множества *A* является также членом множества *B*. Пример, который приводят авторы данной теории, репрезентирует скорее родо-видовые, чем меронимические отношения: *A* – множество львов, *B* – семейство кошачьих, *C* – множество всех млекопитающих. *A* есть подмножество множества *B*, *B* есть подмножество множества *C*, *A* есть также подмножество множества *C*. Все львы принадлежат к семейству кошачьих, все члены семейства кошачьих являются млекопитающими, следовательно, все львы – млекопитающие [21, с. 279].

Поскольку, по теории М.Айрис, из двух основных типов меронимических отношений один тип («сегмент – сегментированное целое») транзитивен, а второй («функциональная часть – целое») – нет, то, на наш взгляд, критерий отсутствия-наличия транзитивности не может быть признан ведущим для разграничения меронимии и гиперо-гипонимии.

Необходимо отметить еще один способ для отделения пар слов, связанных отношением общего-частного, от слов, связанных отношением части-целого. В работе Р.И.Розиной предлагается использование основного теста на способность слова к замещению словом более общего значения и дополнительных тестов на способность замещающего и замещаемого слова к пермутации, на сочетаемость замещающего слова с местоимением *это* и на сочетаемость замещающего и замещаемого слов в связном тексте [13, с. 62–67]. Процесс этот представляется достаточно трудоемким, так как для каждого слова необходимо подобрать два таких предложения, «которые допускали бы употребление слова более частного значения в первом предложении и более общего – во втором» [13, с. 68].

На наш взгляд, более результативным для разграничения категорий меронимии и гиперо-гипонимии является, по-видимому, использование различий в способах представления меронимических и гиперо-гипонимических отношений в языке (*a part of* – для меронимии и *a kind of* – для гиперо-гипонимии), главным образом, по той причине, что конструкции, передающие эти отношения, зафиксированы в словарных дефинициях лексических единиц языка. Мы считаем, что если та или иная единица представлена в толковом словаре с помощью конструкции *a part of*, следовательно, в сознании носителей языка она определяется как наименование части какого-то целого, т.е. репрезентирует меронимические отношения.

Таким образом, становится очевидным, что разработка критериев для определения границ языковой категории меронимии является насущной проблемой лингвистики. Отсутствие

четких критериев приводит к тому, что природа и границы данной категории понимаются учеными по-разному. Но, несомненно, основой для определения языкового меронимического отношения является гносеологическое понятие отношения часть–целое, при котором в самом общем виде Часть можно представить как составной компонент предмета/явления, а Целое – как совокупность Частей.

Abstract. The aim of the paper is to describe semantic relations similar to meronymy (such as hyponymy and coordinative relations) and to define the main criteria for their distinguishing.

Литература

1. Аристотель. Сочинения: в 4 т. / Аристотель; ред. В.Ф. Асмус. – М.: Мысль, 1975. – Т. 1: Метафизика. – 550 с.
2. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – 2-е изд. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
3. Гак, В.Г. Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языков) / В.Г. Гак. – М.: Международные отношения, 1977. – 264 с.
4. Гинзбург, Е.Л. Родо-видовые отношения в языке (таксономические операторы) / Е.Л. Гинзбург, Г.Е. Крейдлин // НТИ. Сер. 2, Информационные процессы и системы. – 1982. – № 8. – С. 24–31.
5. Гольдберг, В.Б. Гиперо-гипонимическая связь и ее когнитивные маркеры / В.Б. Гольдберг // Форма, значение и функции единиц языка и речи: материалы докл. Междунар. науч. конф., Минск, 16–17 мая 2002 г.: в 3 ч. / МГЛУ; редкол.: Н.П. Баранова [и др.]. – Минск, 2002. – Ч. 1. – С. 18–20.
6. Кириченко, Н.Л. Предикат «часть-целое» и языковые способы его выражения / Н.Л. Кириченко // Лингвистические проблемы функционального моделирования речевой деятельности: сб. ст. / Ленингр. гос. ун-т им. А.А. Жданова; отв. ред. М.И. Откупщикова. – Ленинград, 1976. – Вып. 3. – С. 45–55.
7. Маркарова, Т.С. Конструкции с партитивными отношениями, выражающие неполный состав целого / Т.С. Маркарова // Науч. докл. высш. школы: Филол. Науки. – М., 1991. – № 6. – С. 106–111.
8. Мостовая, А.Д. Выявление семантических отношений на именах конкретной лексики и метаязык их описания / А.Д. Мостовая // Экспериментальные методы в психолингвистике: сб. ст. / АН СССР, Ин-т языкознания; редкол.: Р.М. Фрумкина (отв. ред.) [и др.]. – М.: Наука, 1987. – С. 102–117.
9. Мостовая, А.Д. Гипо-гиперонимия и другие семантические отношения на конкретных существительных / А.Д. Мостовая // Язык и структура знания: сб. ст. / АН СССР, Ин-т языкознания; редкол.: Р.М. Фрумкина (отв. ред.) [и др.]. – М.: Наука, 1990. – С. 141–155.
10. Мостовая, А.Д. Семантические отношения на именах «конкретной» лексики: опыт описания / А.Д. Мостовая, Р.М. Фрумкина // Экспериментальные методы в психолингвистике: сб. ст. / АН СССР, Ин-т языкознания; редкол.: Р.М. Фрумкина (отв. ред.) [и др.]. – М.: Наука, 1987. – С. 87–101.
11. Никитин, М.В. Курс лингвистической семантики: учебное пособие для студентов, аспирантов и преподавателей лингвистических дисциплин в школах, лицеях, колледжах и вузах / М.В. Никитин. – СПб: Научный центр проблем диалога, 1996. – 760 с.
12. Рахилина, Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость / Е.В. Рахилина. – М.: Русские словари, 2000. – 416 с.
13. Розина, Р.И. Когнитивные отношения в таксономии: категоризация мира в языке и в тексте / Р.И. Розина // Вопросы языкознания. – 1994. – № 6. – С. 60–78.
14. Семантика и категоризация / Р.М. Фрумкина [и др.]; Ин-т языкознания; отв. ред. Ю.А. Шрейдер. – М.: Наука, 1991. – 168 с.

15. Федчук, Л.И. Семантический класс таксономических предложений со значением включения / Л.И. Федчук // Семантические категории русского языка: сб. науч. тр. / Киевский гос. пед. институт им. А.М. Горького; редкол.: М.А. Брицын [и др.]. – Киев, 1986. – С. 92–98.
16. Филлмор, Ч.Дж. Об организации семантической информации в словаре / Ч.Дж.Филлмор; пер. с англ. // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1983. – Вып. 14: Проблемы и методы лексикографии. – С. 23–60.
17. Chaffin, R. Effects of Relation Similarity on Part-Whole Decisions / R. Chaffin, D.J.Herrmann // *The Journal of General Psychology*. – 1988. – Vol. 115, № 2. – P. 131–139.
18. Chaffin, R. The Nature of Semantic Relations: a Comparison of Two Approaches / R. Chaffin, D.J. Herrmann // *Relational Models of the Lexicon: Representing Knowledge in Semantic Networks* / ed. by M.W. Evens. – Cambridge: Cambridge University Press, 1988. – P. 289–334.
19. Cruse, D.A. *Lexical Semantics* / D.A. Cruse. – Cambridge: Cambridge University Press, 1986. – 310 p.
20. Cruse, D.A. On the Transitivity of the Part-Whole Relation / D.A. Cruse // *Journal of Linguistics*. – 1979. – Vol. 15, № 1. – P. 29–38.
21. Iris, M. Problems of the Part-Whole Relation / M. Iris, B. Litowitz, M. Evens // *Relational Models of the Lexicon: Representing Knowledge in Semantic Networks* / ed. by M.W.Evens. – Cambridge: Cambridge University Press, 1988. – P. 261–288.
22. Kiefer, F. Some Semantic Relations in Natural Language / F. Kiefer // *Foundations of Language*. – 1966. – Vol. 2, № 3. – P. 228–240.
23. Lyons, J. *Introduction to Theoretical Linguistics* / J. Lyons. – reprinted. – Cambridge: Cambridge University Press, 1975. – 519 p.
24. Lyons, J. *Semantics* / J. Lyons. – Cambridge: Cambridge University Press, 1977. – Vol. 1. – 371 p.
25. Wierzbicka, A. *Lexicography and Conceptual Analysis* / A. Wierzbicka. – USA: Karoma Publishers, Inc. Ann Arbor, 1985. – 368 p.